

ВОЛЬНЫЙ
СТРАННИК

...— Скажите, писатели,—
почему вы так плохо
пишете о войне?

В. Гроссман
Жизнь и судьба

ВПЕРЕДИ СЛОВ

Стояла ранняя осень. Листва кленов в усадьбе окрасилась в яркие красные и желтые цвета. Было тихо, вокруг царил загородный покой. Темнело. Мы прогуливались с отцом Гордеем по дорожкам усадьбы нашего друга, у которого я гостил и которому многим обязан, и говорили о героях, подвиги которых почему-то остались неизвестны.

— Это произошло зимой 1943 года под Сталинградом, — рассказывал отец Гордей, священник и историк. — У немцев в окружении оставался единственный аэродром, а на этом аэродроме последний самолет, который еще мог успеть взлететь. На борт в спешном порядке грузились раненые, но их было слишком много. В самолет они не вмещались. Тогда летчики начали выбрасывать из самолета все лишнее — боезапас, сиденья, чтобы взять хотя бы еще троих, двоих, одного. Но снаружи все

равно остался один молодой солдатик. По всем возможностям на борту места больше не было, этого солдатика приходилось оставить. И когда самолет уже приготовился идти на взлет, один из раненых, более зрелый, вдруг протиснулся к выходу, спрыгнул на землю и молча показал тому солдатику, чтобы он лез на его место. Через минуту самолет взлетел.

...Шуршала опавшая листва под ногами, за столик под липами вынесли рубиновый, в стеклянном заварнике чай, чашки и блюдца, домашнее печенье и мед. Я хорошо знал, что такое война. Она была для меня такой же реальностью, как эта загорающаяся вечерними огнями усадьба, пронзительная яркость красок ранней осени, беззаботно играющие на лужайке дети. Такой же, если не больше. Отец Гордей говорил, а я видел картины, стоящие за его словами.

Видел зиму. Ночь. Заметенную снегом взлетную полосу без огней. Видел немцев, сгрудившихся возле темного самолета, рвань шинелей, белые от инея брови; мутные, страдальческие глаза. Мерцание красных зарниц над степью и гул раскатов, словно посреди лютой зимы к ним приближалась гроза.

Видел летчиков, торопящих раненых, у которых не осталось ничего, кроме животного желания тепла и спасения, — влезть в самолет, протиснуться среди спрессованных людей, стать тонким и плоским, как блин, ухватиться за кого-нибудь и ждать, когда позади закроется дверь и самолет начнет разбег, чтобы навсегда

пропасть в ночном небе с этой проклятой зимы и земли.

Ясно, словно там присутствовал, видел одинокого солдата возле самолета, поджигающего раненую ногу, опирающегося на тяжелую винтовку. Через сукно разрезанных брюк видел его рану — запекшуюся дырку пулевого отверстия на голени с воспаленными багровыми краями. Ветер от работающих винтов поднимает со взлетной полосы снег, метет ему в лицо, темноту неба прорезают красноватые штрихи пристрелочных танковых выстрелов. Никто не приказал, чтобы остался именно он, ему просто не повезло, он оказался менее расторопным, чем другие. В его слезящихся глазах — мука, покорность судьбе и пустота.

Летчики в кабине стараются на него не смотреть.

И в самую последнюю минуту — минуту чуда — пожилой седой немец с перевязанной культей выбирается из дверей, неловко спрыгивает на снег и жестом показывает оставленному, что ему нашлось место.

Такие поступки редко бывают рассудочным действием. Еще минуту назад пожилой немец сам хотел спастись и жить. Но он посмотрел на оставшегося солдата и в одно мгновение принял другое решение. Как будто лучик невидимого света, откуда-то свыше морозной тьмы и звезд, блеснул с неба и отразился в его душе, найдя там что-то родственное своей природе. «Нет большей любви, если кто положит жизнь свою

за друга своего», — вне времени сказал Господь, и пожилой солдат эти слова словно услышал.

Отбрасывая тьму, над аэродромом нависла осветительная ракета, ревели двигателями где-то рядом советские танки. Тяжелогруженный самолет взлетел и, невзирая на то что по нему уже велся прицельный огонь, сделал несколько прощальных кругов над одиноко стоящим на земле немцем, отдавая ему честь. Пожилой немец поменял свою жизнь на жизнь незнакомого ему солдата.

Потом, скорее всего, его походя стрельнули из пулемета.

— Красивая история, — закончил отец Гордей.

Я с ним согласился. Красивая история.

Мы пили чай под липами, пробовали разные сорта меда. Вокруг царил покой. В вечернем небе показались первые звезды, и им в ответ с террасы центрального дома усадьбы засветилась золотистыми электрическими огоньками искусно сделанная фигурка ангела, словно он прилетел сюда и так остался — не захотел никуда улетать.

— Я нашел рассказ об этом в мемуарах одного немецкого офицера, воевавшего под Сталинградом. Он был в том самолете, — продолжал отец Гордей.

Священник рассказал, что немецкие документалисты потратили много времени, стараясь установить имя героя, но, к сожалению, ничего не получилось. Списки на эвакуацию

не составлялись, раненые набрались с разных подразделений, никто толком друг друга не знал.

— Настоящий пример христианского самопожертвования, — заключил отец Гордей, и по тону священника было заметно, что эта история его сильно тронула.

Я с ним согласился. А сам вдруг подумал, что поступок того безымянного немца — довольно обыденная вещь на войне, во всяком случае для славян.

Сколько таких вот безликих солдат и в войнах прошлых, и в войнах нашего времени меняли свою жизнь на жизнь товарищей, оставаясь прикрывать отход подразделения, вызывая огонь на себя. Сколько их, не пуская вперед молодых, ползали ночью по минным полям, пытаясь на ощупь обнаружить растяжки, или ходили по лужам фронтовых дорог впереди бронетехники, чтобы ногами нащупать мину. Сколько таких вот прорывались на груженных боезапасом и водой машинах к попавшей в окружение штурмовой группе — с иконкой в кармане, не снимая ноги с газа, гоня на полной скорости по ухабам насквозь простреливаемой дороги. Сколько их ползали за ранеными под плотным огнем, иногда только для того, чтобы вколоть им противошоковое и обезболивающее, наложить жгуты, оставить фляжку со спиртом и сказать: «Держитесь, мы вас обязательно вытащим; сейчас никак, но ночью попробуем».

...И награды, если выжил, после этого никакой — дадут жадно выкурить сигаретку в покое, похлопают

по плечу и скажут: «Живой? Молодец!», а через пару дней этот эпизод сотрется из памяти, уступая место более свежим.

Не стоит идеализировать войну.. Война одевается в романтические одежды, но нет в ней никакой романтики, как и нет правды; вернее, в ней, как и во всякой лжи, много разных правд. Она коварна, жестока и несправедлива. Герои ее остаются на обочине, наедине со своей болью, с сединой в волосах и необъяснимыми для родных слезами, которые вдруг начинают катиться из глаз посреди ночи.

Слушая отца Гордея, я думал, сколько у нас таких вот безвестных, непризнанных героев, на которых раньше бы равнялась страна. А сколько их отдавали себя ради других не вспышкой, не разовым подвигом, а растянутым на годы горением, как горит огонек свечи...

Наверное, тогда, под липами, за чаем с янтарным медом, одновременно с воспоминаниями и зародилась эта книга — еще не сформированная, не имеющая четкого содержания. На тот момент она состояла из обрывков историй, которые знал сам и о которых слышал от других, картинок из памяти: каких-то размытых лиц, обрывков мелодий, криков во сне, жирной грязи на гусеницах танка, морозящего дождя и треска огня горящих домов.

Мы еще не встали из-за стола, а я уже знал, о ком будет первая повесть.

Перед глазами встало лицо одной женщины — с серыми строгими глазами, со скорбными

морщинками на переносице и в уголках губ; в каком-то нелепом, скрывающем ее миловидность старушечьем платке на голове.

Она одета в пропаленную, грязную болоньевую куртку, позади нее развалины в снегу, а под ногами клетчатая полупустая полиэтиленовая сумка с разошедшимся замком.

Ей есть что нам рассказать.

ЧАСТЬ I

НАДЕЖДА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТИШИНА

27.12.1994

В квартире номер 14, на втором этаже панельного дома по улице Шевченко в городе Томске, в полумраке спальни запищал электронный будильник.

Светящиеся цифры на будильнике показывали семь утра. Окна спальни закрывали бежевые шторы, за шторами было еще темно, горели огоньки в окнах соседних домов. Фонари на улице отбрасывали свет на тротуар и слежавшиеся сугробы. Термометр за окном показывал минус двадцать семь градусов.

Не хотелось даже представлять себе, что сейчас придется встать с постели, покидать уютную квартиру, где божественным теплом греют батареи; где на подоконнике отделенные лишь стеклом от лютой стужи стоят в горшочках живые цветы; затем выходить на мороз, на улицу, идти по

скрипучему снегу, прикрывая рукой щеки, и после еще долго трястись в выстуженном троллейбусе, где толстый слой инея на стеклах.

Настойчивый писк будильника стал громче. Ольга высунула руку из-под одеяла, на ощупь нашла кнопку будильника на прикроватной тумбочке и отключила сигнал. Еще минутку полежала с закрытыми глазами. В полумраке комнаты вырисовывался шкаф-стенка с вазочками и книгами на полках, дальше коридор, комната дочери и кухня, где в темноте время от времени чуть слышно гудел холодильник. Начинался новый день, пора вставать, будить дочь, собирать ее в школу и ехать на работу.

Ольга включила торшер, сунула ноги в мохнатые тапочки и направилась в ванную, по пути крикнув в комнату, где спала дочь:

— Настя, подъем!

Давным-давно, семь столетий назад, один беспокойный монах-францисканец Джон Пекам изобрел способ изготовления зеркал, и с тех пор люди получили безжалостную возможность видеть себя со стороны. В ванной, над полочкой со всякими тюбиками и баночками, зеркало отразило лицо Ольги — заспанное, без косметики, но довольно миловидное лицо сорокалетней женщины с тонкими бровями, с морщинками возле глаз, с высветленными волосами до плеч. В серо-голубых глазах можно было прочесть выражение какой-то детской неуверенности, беззащитности, но это в глубине, на самом дне — дочь и сын этого никогда не должны замечать.

На скорую руку приведя себя в порядок, Ольга направилась в детскую. Дочь и не думала просыпаться. Приоткрыв рот, она разметалась по кровати, не реагируя на включенный свет.

— Настя, вставай! Быстро просыпайся, — не ограничиваясь словами, Ольга легонько потрясла дочь за плечо. — Доченька, сегодня последний день школы. Завтра каникулы...

Двенадцатилетняя Настя попыталась натянуть одеяло на голову и отвернуться к стенке, но последние слова дошли до ее сознания. Она открыла глаза, посмотрела на маму и быстро перевела взгляд на угол комнаты, где золотилась шарами наряженная елка. Точно такие же елки, наверное, стояли сейчас во всех квартирах города. А в центре, на убранной от снега площади светились огоньками гирлянд гигантская ель с огромными бутафорскими конфетами, привязанными к мохнатым лапам.

Старый год уходил в прошлое, наступал год новый — 1995-й, и его встречали праздником.

— Мы сейчас умоемся, потом оденемся, чтобы ты на утреннике была самой красивой, — приговаривала Ольга, расчесывая длинные волосы дочери, заплетая их в косу.

Раньше Настя спала с мамой, а в комнате, где она сейчас расположилась, проживал ее старший брат Алексей — Алеша. Он уже полгода служил в армии. В шкафу осталась висеть его одежда, на столе стоял магнитофон с колонками, на стене плакаты с какими-то рок-группами. Возле магнитофона — недавно присланная фотография

сына в рамке. Улыбающийся мальчишка в военной форме, который хочет выглядеть настоящим мужчиной. Худой, чуть лопухий, на шевроне золотистый танк — бронетанковые войска, учебка под Новосибирском.

Пять месяцев назад Ольга ездила к нему на присягу. Сын немного вытянулся, похудел, старался вести себя с матерью по-взрослому, избегая проявления чувств. После присяги ему дали увольнительную. Было тепло и солнечно, они пошли в какой-то парк, сидели на скамейке, прижавшись плечами, ели мороженое. Ольга сняла с него фуражку, гладила ладонью по стриженной голове, он этого стеснялся, говорил: «Ну мам, не надо, хватит...» Мимо проходил офицер, сын быстро надел фуражку, вскочил, вытянулся и торопливо вскинул руку к козырьку, словно показывая, что уже принадлежит армии. А Ольга смотрела на него и думала, что он так и остался застенчивым беззащитным мальчишкой, несмотря на внешнюю взрослость и военную форму.

Когда сыну исполнилось шесть лет и родилась Настя, муж ушел. Надо было как-то приходиться в себя, жить дальше. Дети думали, что она сильная, а она была, наверное, слабее них — просто взрослая. Завтраки, прыгающая по ступеням коляска; сына в садик с больной Настей на руках: «Вы там, пожалуйста, посмотрите, чтобы его не обижали...»; очередь к врачу, мысли, где взять денег, затем сына из садика; куртка порвана — «ты с кем-то подрался?», а другой нет... Даже плакать от усталости не было сил.

СОДЕРЖАНИЕ

Впереди слов. 7

Часть I

Надежда. 15

Глава первая

Тишина. 17

Глава вторая

Тревога. 49

Глава третья

Путь. 79

Глава четвертая

Неизвестность. 95

Глава пятая

Грозный. 113

Глава шестая

Надежда. 129

Глава седьмая	
Встреча.	151
Глава восьмая	
Решимость.	171
Часть II	
Утешение	189
Глава девятая	
Бесстрашие.	191
Глава десятая	
Возвращение.	209
Глава одиннадцатая	
Ожидание.	231
Глава двенадцатая	
Правда.	261
Глава тринадцатая	
Ободрение.	275
Глава четырнадцатая	
Дети.	297
Глава пятнадцатая	
Осознание.	317
Глава шестнадцатая	
Принятие.	331
Эпилог	
Просто любить.	343